

СПОГАДИ ВІЙСЬКОВОПОЛОНЕНОГО НУРІ ХАЛІЛОВА ЯК ДЖЕРЕЛО ІСТОРІЇ ШТАЛАГУ 364 У МИКОЛАЄВІ

У спогадах киримли Нурі Халілова мова йде про повсякденне життя червоноармійців різних національностей в німецькому таборі для радянських військовополонених у Миколаєві. У статті перше згадується діяльність у цьому таборі представників Мусульманського комітету для порятунку полонених

Ключові слова: Друга світова війна, табір для радянських військовополонених, Миколаїв, Крим, Мусульманський комітет, кримські татари.

Спогади полоненого червоноармійця належать до рідкісних еґо-документів часів Другої світової війни. Існуючі до сьогодні видання найчастіше з'являлися у світ як спорадичні публікації і не мали систематичного характеру, окрім серії видавництва РОССПЕН «Людина на узбіччі історії»¹. Особливо епітет «рідкісний» стосується рукописів, присвячених перебуванню у нацистських таборах, розташованих в окупованій Україні. Історіографія Миколаївського табору для військовополонених, про який йде мова у спогадах Нурі Халілова, обмежується напрацюваннями місцевих істориків, декількома статтями на Інтернет-сайтах². Спільна риса усіх публікацій — обмежений джерельний матеріал. Архів табірної адміністрації шталагу 364, так офіційно називали Миколаївський табір у німецьких документах, скоріш за все був цілеспрямовано знищений. Тому єдина надія реконструювати загальні риси функціонування табору — це пошук ось таких спогадів його колишніх бранців. Пропонований фрагмент рукопису цікавий ще й тим, що належить він кримському татарину, і розкриває маловідомий світ міжетнічних взаємостосунків і конфліктів в середовищі полонених.

Нурі Халілов народився у 1916 році. Закінчив історичний факультет Сімферопольського університету. З 1939 року служив в Червоній армії. Війну з Німеччиною зустрів під Брестом, довго виходив із оточення та все ж у грудні 1941 року потрапив у полон, потім у Миколаївський табір, звідки його, та багатьох інших татар, визволили представники Мусульманського комітету. Після повернення до Криму колишні військово-

полонені шталагу 364 були розподілені по різних частинах Вермахту в якості Хіві (Hilfswillige) — «добровільні помічники» — наймана робоча сила, що використовувалась в регулярних частинах Вермахту в якості конюхів, шоферів, слюсарів-ремонтників тощо. Подальша доля кожного з них складалася за двома сценаріями. Одні пішли у радянські партизани, потім були репресовані радянською владою, інші — виїхали з Криму разом німцями й закінчили життя в еміграції. Нурі Халілов з осені 1943 року воював у лавах кримських партизан. Навесні 1944 року разом з усією родиною був депортований до Середньої Азії. Після розпаду СРСР повернувся до Криму. Проживав в місті Саки, де провадив велику громадську роботу.

Пропоновані спогади, не дивлячись на незначну літературну правку, повністю зберігають свою самобутність і достовірність. З урахуванням того, що автор — кримський татарин, у спогадах збережено чимало діалектизмів, які пояснюються у коментарях.

* * *

Самым крупным лагерем для военнопленных считался Николаевский, в который нас, наконец, привезли. В нем было 35 тысяч советских военнопленных. Товарная станция, на которой мы выгрузились, была далеко от города. Нас построили в колонну по 5 человек в шеренге и погнали в рабочий городок, где раньше жили рабочие судостроительного завода. Здесь были двухэтажные дома в каждом ряду. В левом разместили украинцев, в двух следующих заселили русских, а в крайнем — азиатов, кавказцев, татар. Каждые три дома составляли отдельный изолированный от других блок. Все окружала колючая проволока высотой в 3 метра и клеткой в 20 см. У каждого блока были свои ворота, калитка на замке, охрана.

Украинцев брали на работу в склады, столовые, пекарни и другие работы, где можно было что-то поесть. Иногда на такие же престижные работы брали и русских, а нас азиатов и кавказцев нет. Кавказцев почему-то называли сталинцами, и гоняли только на копку туалетов, строительные работы, ремонт дорог. Было очень холодно, температура была 10–15 градусов мороза. Как-то я попал на разгрузку вагонов на железнодорожном вокзале. Разгружали картошку, морковь. Тогда я вдоволь наелся моркови. Там же ко мне подошла маленькая девочка.

— Дяденька, возьми! — и протянула мне серого хлеба и кусочек голландского сыра.

Я сказал ей спасибо. Она ответила: «Не за что! И убежала».

Все это я с удовольствием съел и мысленно благодарил эту добрую девочку и людей, которые ее послали.

Человек 70 пленных погнали на разгрузку вагонов, всех конвоировал только один немец. На вокзале он распределил нас по вагонам, а сам сел в удобном месте и наблюдал, как мы работаем. Убежать было легко, но куда? Ловят практически всех, наказывают и направляют обратно в лагерь, где сажают на 8–10 дней в карцер, а это — верная смерть. Карцер — это сырое помещение 4х5 метров, огороженное проволокой и чем-то прикрытое сверху. Морозы 18–20 градусов, злые ветры, никто оттуда живым не выходил.

Однажды во дворе нашего сектора румыны заставили нас копать траншею для туалета. Глубина уже была 3 метра, а длина около 10 м. Земля была замершая. Ударишь ломом или киркой, отлетает только кусочек земли величиной с грецкий орех. Конвоир-румын бил сверху кнутом по головам и кричал, чтобы быстрее работали и не стояли. Я замерз, устал, а тут он плеткой ударил меня по голове, и я потерял сознание. Румын приказал вынести меня из ямы. Пленные земляки вынесли и положили на кирпичи. Часа через 2–3 я очнулся. Смотрю, никого уже нет. Про меня просто забыли, думали, что мне капут. Когда стало темнеть, и все собрались в бараке, мой друг Усеин заметил, что место, где я сплю, пусто. Он спросил, где Нури, и ребята сказали, что бросили меня на кирпичях возле барака. Усеин с двумя товарищами нашел меня и отнес в комнату. Сходил в азербайджанский барак, купил там баланду, кусок мяса и хлеб. Покормил меня. Я открыл глаза, мне стало лучше.

Усеин видел, что на ногах у меня брезентовые туфли, а на плечах дряхлая красная фуфайка. Тогда из своих ватных брюк он вытащил, спрятанные там 1000 руб., и повел меня на стадион, где выдавали еду и чай. Там пленные приносили на продажу разные вещи, одежду, папиросы, табак. Усеин купил мне солдатские крепкие ботинки, теплую шапку-ушанку, шинель и полотенце. Как я был благодарен этому человеку, моему спасителю. У него в телогрейке оставались спрятанными еще 1300 рублей. При шмоне* их не нашли. Потом мы их потратили на еду. Когда деньги кончились, Усеин стал переживать. Он был заядлым курильщиком, а покупать сигареты, табак или махорку было не за что.

Видя муки Усеина, я сказал ему: теперь моя очередь тебя обрадовать. Дело в том, что еще на свободе в козырьке фуражки я спрятал часики, которые в сороковом году купил во время службы в городе Слониме.

— Забери их и продай.

Усеин обрадовался, быстро нашел покупателя в украинском бараке, который дал ему за них 3000 руб., 1000 сигарет, буханку белого хлеба и

* Шмон — обшук.

одну банку рыбных консервов, потом даже накинул пачку табака. Довольные таким обменом мы вернулись в свой барак.

Суюн* решил часть сигарет и табак перепродать. Продажу мы осуществляли там же на стадионе, где все толкались в ожидании раздачи баланды на обед и ужин. Сигареты и самокрутки шли по 10 рублей за штуку.

За торговлю куревом немцы наказывали. На первый раз били палкой по рукам, за второй — все отнимали и избивали нагайкой. Тем не мене бизнес наш процветал. У знакомых украинцев мы покупали сигареты оптом по 5 рублей, а продавали по 10. В общем, спекулировали, как могли. Скопили немного денег и купили себе одежды, стали прикупать мясо, хлеб. Оба поправились. У меня вокруг обеих ног были привязаны по 3000 руб., их мы держали на черный день.

Вот что значит грамотная торговля! Отец Суюна, до войны работал председателем райпотребсоюза и нередко приобщал Суюна к своим делам.

Курение, как и алкоголизм — большое зло! В лагере курильщиков было много. Они собирали бычки и докуривали их. Умудрялись крутить сигареты из высохшего лошадиного навоза. Часто меняли свою порцию хлеба или баланды на одну сигарету. Были и такие, кто отдавал свою шинель или ботинки за папироску, а потом полураздетые ходили по лагерю в лютый мороз.

«Оставь сорок, умираю, дай затянуть!» — эти слова часто можно было слышать. В конечном итоге курильщики лишались всего. Худели, болели, а потом преждевременно умирали.

В лагерь стали привозить новых пленных из других лагерей. Среди них оказались земляки из моей деревни Суюн-Аджи**. Исмаил — сын сапожника Сеит-Бекира, Люман — муж Злыхы, Осман Абляз — муж Маринки.

В феврале 1942 года пришел еще один этап. Были сильные морозы и на работу нас не вывели. Сидели в бараках. Один человек открывал каждую дверь и спрашивал: суюнаджинские, тавдаирские есть? Обычно отвечали, что нет. Наконец, он дошел до нашей комнаты. Я сразу узнал его голос и сказал, чтобы он шел к нам.

Это был Осман Исмаилов — муж Пемпе-ала. Она была дочерью сестры моего отца Шерф-заде из Тав-Даира***. Мы подвинулись и он сел возле нас. Смотрю, а он без обуви, ноги обмотаны полотенцем и

* Суюн — скорочене ім'я Усеїн.

** Суюн-Аджи — село Денисівка, Сімферопольського району.

*** Тав-Даїр — село Лісносілля, Мазанської сільрадії, Сімферопольського району.

перевязаны шпагатом, сам дрожит от холода и голода. В таком виде он прошел 3 километра от железнодорожного вокзала в Николаеве до лагеря. Шел босыми ногами по льду при двадцатиградусном морозе. Мы с Суюном тут же пошли в азербайджанский барак и там купили ему ботинки и котелок пшенной каши с куском конины. Он покушал, обулся, пришел в себя. Потом рассказал, когда и как попал в плен. Румынские солдаты отняли у него ботинки и все деньги, что были при нем, да еще и избили. До войны Осман Исмаилов был председателем Тав-Даирского сельсовета, членом партии.

В нашей комнате были два человека, у которых во рту были золотые коронки. Этим людям не позавидуешь. Однажды ночью, когда все уже спали, я услышал шаги по коридору. Двое зашли к нам в комнату, подошли к этим двоим. Тогда все спали ногами к стенке, а головой к проходу. Вошедшие сапогами ударили спящим по зубам. Схватили золотые коронки и сразу же убежали. Оказывается, они заранее присматривали за этими людьми. Те и ахнуть не успели. Жаловаться не кому. С тех пор я дал себе слово никогда не иметь золотых коронок

Как-то всех нас выгнали на стадион. Я стоял довольно близко и надеялся получить баланду одним из первых. Вдруг деревянные двери открыли и под напором толпы все стоявшие в первом ряду попадали. Я закрыл голову руками, и по нам, лежащим на плацу, прошли сотни людей. Нас затоптали солдатскими сапогами и ботинками. Когда они прошли, нас подняли. У меня все обошлось, а один человек умер сразу, у других были сломаны руки.

После этого во избежание давки нас загоняли между проволочными ограждениями и мы входили по 5 человек. На всю пятерку давали буханку хлеба. У раздаточной бочки стоял немец и проверял чистые ли у нас котелки. У меня он обнаружил следы отрубей. Вывел меня из строя и стал бить своей плеткой: по голове, лицу, плечам. После этого велел идти мыть котелок. Воды нигде не было. С трудом нашел бочку с водой, вынул пробку, а там сильный напор. Весь облился, но котелок помыл.

Вдоль проволоки всегда стояли охранники, которые регулировали, какой шеренги идти, а какой ждать. Я не заметил вытянутой руки, означавшей остановится, и пошел дальше. Охранник рассердился и стал бить меня плеткой. Я согнулся и молча, принимал удары. К таким побоям я уже привык и особо не реагировал. Вся голова, шея, плечи от этих ударов были покрыты рубцами как мозоли. После одного раза я почувствовал боль в глазу. Мои товарищи сказали, что левый глаз после удара вышел из орбиты. Рядом оказался кто-то из врачей. Он аккуратно уложил глаз на место и особой боли я не чувствовал.

Обед раздавали с трех точек. Раздатчики тоже были из военнопленных. В руках у них были длинные палки, к которым привязана пол-

литровая консервная банка. Раздатчик, не глядя, черпал из бочки и наливал в наши котелки, миски, банки. Накладывал, что кому попадет! Кому просто вода, кому пшено, кому отруби, а кому и мясо.

После раздачи баланды нас выгоняли на работы. Мы выходили на узкую дорогу между проволокой, которая вела в город. Там нас ждали вербовщики. В своих руках они держали длинные палки, как у чабанов, для поимки овец. Ими они захватывали понравившегося военнопленного и тащили к себе, загоняли в машину и везли на работу. Выбирали тех, кто выглядел поздоровее.

Одну такую группу отправили в Румынию, где раздали крестьянам в качестве батраков. Сначала мы им завидовали, но потом, когда узнали, что их всех кастрировали, только ахнули и по возможности избегали таких наборов.

Мои земляки из Суюн-Аджи и Тав-Даира жили в другом бараке. Исмаил Бекиров еще до войны болел туберкулезом, и поэтому ему было особенно трудно. Я видел, как его под ручки вели за баландой. Общался я с ним только один раз. Он сказал, что служил в полковом оркестре. Перед началом боев свою скрипку оставил у одного знакомого, в надежде после победы забрать ее назад. Потом я узнал, что Исмаил умер прямо в бараке.

Общее число военнопленных на стадионе достигало 20 000 человек. В основном это были русские, украинцы, в меньшей степени кавказцы, узбеки.

Вдруг вижу среди них узбека из моей роты. Узнав меня, он радостно бросился мне на встречу с криком: «Товарищ, замполита!»

Мы с Суюном закрыли ему рукой рот и попросили, чтобы он больше никогда и никому не говорил эти страшные слова, так как среди военнопленных было немало стукачей.

В середине февраля 1942 года всех крымских татар, которые находились в Николаевском лагере военнопленных, собрали в доме культуры завода. Было очень холодно. Люди были полураздеты, плохо обуты, обмотанные, небритые. Собрали нас человек 300. На сцену поднялся немецкий офицер и какой-то гражданский. Офицер на чистом русском языке объявил, что с нами будет говорить представитель Крымского мусульманского комитета Ильяс Эфенди*. После этого ушел из зала, оставив нас с представителем мусульманского комитета одних.

* Ильяс ефенді — світське ім'я Ильмі Керменчіклі, син відомого просвітителя кримськотатарського народу Керменчикли Якуба, репресованого за обвинуваченням у пропаганді ідей Ісмаїла Гаспринського. Ильмі навчався в сімферопольському аероклубі в одній групі з Аметханом Султаном, або був відрахований.

Ильяс эфенди поздоровался, прочитал молитву. Мы, подняв ладони, тоже молились. Просили всевышнего помочь нам освободиться от вражеского плена, спасти наши души. После молитвы Ильяс эфенди сказал, что мусульманский комитет ведет переговоры с немецким командованием о том, чтобы вас освободить и вернуть в Крым к своим семьям. От радости все заплакали. Далее он рассказал о положении в Крыму после прихода немцев. Добавил, что если мы вас отсюда не заберем, то вы все здесь помрете, что в лагере начался брюшной тиф. Ежедневно умирает по 180 человек. Многие татары тоже умерли от голода, холода, болезней. Сейчас он уедет в Крым и, как только получит разрешение от немецкого командования, то снова приедет и заберет нас домой. Он еще раз прочитал молитву, сказал до свидания и ушел. Некоторые останавливали его, задавали вопросы о войне, о Крыме, о своих семьях. Мы долго не расходились, говорили между собой, мечтали о своих семьях. Ведь среди военнопленных были люди, которым было 50-55 лет. Они имели семьи, дочерей, сыновей.

В начале мая 1942 года нас вновь собрали в этом же зале бывшего дворца культуры судостроительного завода. На этот раз Иляс-агъа был не один. С ним приехал Къазан Молла. Немецкий офицер представил их и объявил, что немецкое командование разрешило, изъявившим желание мусульманам, поехать в Крым. Вагоны для отправки готовы. После этого он сошел со сцены и куда-то ушел.

Выступил Иляс эфенди. Прочитал молитву. Рассказал о положении в Крыму, о работе мусульманского комитета, о том, что сегодня нас погрузят в вагоны, которые поедут в Крым. Затем с длинной речью выступил Къазан Молла. Он также прочитал молитву, потом сказал, что приехал от духовного управления мусульман*. Сказал, что вместе с крымскими татарами в Крым могут поехать все мусульмане этого лагеря: казанские татары, башкиры, казахи, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы. Все были довольны услышанным и кричали Алла акбар.

После этого всех стали вызывать на выход. В дверях клуба на шею вешали картонный номерок на шпагате. На мою шею повесили номер 128. Когда всех вывели с номерками, то оказалось нас человек 600. Строем погнали на товарную станцию, погрузили в товарные вагоны. Тем, кто был бос, дали немецкие сапоги с шипами или советские

3 листопада 1941 р. заступник голови Мусульманського комітету. Після повернення в Крим радянської влади був репресований, відбував строк ув'язнення 11 років у м. Бегаваті, Узбецької РСР, де продовжував жити і після звільнення, працював виконробом. До кінця життя користувався повагою та авторитетом серед кримських татар.

* На цей час духовного управління мусульман не існувало.

кирзовые сапоги или ботинки. Было видно, что эта обувь была взята у мертвых солдат. Дали паек на один день. Простояв около 6 часов на станции, наконец, тронулись в путь. До Крыма ехали трое суток. Ночами долго стояли, приехали не в Армянск, а на какую-то другую станцию. Ночью со стороны Керченского пролива прилетали советские самолеты. Была слышна то ли бомбежка, то ли артиллерийская канонада. Некоторые взрывы были совсем рядом. Мы поняли, что борьба за освобождение Крыма уже идет, и что нас, не даром сюда везут, что фашисты хотят нас как-то использовать. Такие мысли не покидали меня все время. Когда двери вагона открылись, то я принял решение бежать. Уйти удалось, но пробыл на свободе я совсем недолго, так как полицаи схватили меня и вернули назад в эшелон. Сопровождавший нас офицер приказал дать мне 25 ударов плеткой и вновь кинуть в вагон. Меня подвели к вагону, заставили снять штаны и при всех дали 25 ударов кнутом, сделанным из члена быка. Объявили, что так будет с каждым, кто попытается убежать.

Мы поняли, что никакой свободы не будет, что все это обман и мы по-прежнему пленные. Один солдат по фамилии Тынчеров сказал: «Ребята! Нас везут сюда, чтобы мы друг друга грызли!»

Он был прав.

¹ Левинский Д. мы из сорок первого... Воспоминания / Д. Левинский // Предисл. и примеч. П.М. Поляна. Послесл. Ф.М. Солодовника. — М., 2005. — 344 с.; Астахов П. Зигзаги судьбы. Из жизни советского военнопленного и советского зэка / П. Астахов. — М., 2005 — 464 с.; Анваер С. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медики / С. Анваер. — М., 2005. — 208 с.; Полян П., Поболь П. «Нам запретили белый свет...» Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / П. Полян, П. Поболь. — М., 2006. — 416 с.; Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских остовцев и военнопленных. — М., 2007. — 351 с.; Солоухина-Заседателева Р., Карпов Н. [сост. П.М. Полян, Н.Л. Поболь] На задворках Победы; Маленький Ostarbeiter / Р. Солоухина-Заседателева, Н. Карпов. — М., 2008. — 272 с.; Апель Ю.Д. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 — февраль 1945) / Ю.Д. Апель. — М., 2009. — 256 с.; Полян П., Поболь П. Оккупированное детство: воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / П. Полян, П. Поболь. — М., 2010. — 381 с.; Тутов В.С., Малофеев А.С. Беглецы из плена: воспоминания танкиста и морского артиллериста / В.С. Тутов, А.С. Малофеев. — М., 2010. — 304 с. Чиров Д. Среде без вести пропавши / Чиров Д. — М., 2010. — 367 с.

² Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941–1944) / Упор. Г. Дубик — К., 2000; Миколаївщина в роки Великої Вітчизняної війни 1941–1944: (до 60-річчя визволення області від німецько-румунських окупантів) / Ред. кол.: О.М. Гаркуша (голова), Ю.О. Шклярський, М.М. Шитюк та ін. — Миколаїв, 2004; Сугацька Н.В. Трагічні події на Миколаївщині (1941–1944 рр.) / Н.В. Сугацька. — Миколаїв, 2010. — 44 с.; Ташлай Л. За колючей проволокой: «Шталаг-364» — лагерь смерти / Л. Ташлай. — Николаев, 2011. — 144 с.; Горбуров Е.Г. Фабрика смерти на

ніколаевської землі. Септембер 1941 — марч 1944 гг. / Е.Г. Горбуров // Історії для історії: Очерки о Николаевской земле и ее людях — Николаев, 2011. — С. 52–65; *Кремінь Тарас*. Миколаївський Бухенвальд / Тарас Кремінь // Режим доступу: <http://bazar.nikolaev.ua/content/%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D1%97%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B1%D1%83%D1%85%D0%B5%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4>; *Пагіря Олександр*. Місця німецького та румунського терору на території Миколаївської області, 1941–1944 рр. / Олександр Пагіря // Режим доступу: <http://territoryterror.org.ua/uk/publications/details/?newsid=426>; Місця масових розстрілів і поховань представників національних меншин під час Великої Вітчизняної війни в Миколаївській області: довідкові матеріали / Миколаїв. облдержадміністрація, відділ у справах національностей облдержадміністрації, Миколаїв. Т-во єврейської культури; ред. рада: В.О. Чебатарьов та ін. — 2-ге вид., доп. — Миколаїв, 2012. — 32 с.

В воспоминаниях крымского татарина рассказывается о повседневной жизни советских военнослужащих разных национальностей в Николаевском лагере военнопленных. В статье первые упоминается о деятельности в лагере представителей Мусульманского комитета.

Ключевые слова: Вторая мировая война, лагерь для советских военнопленных, Николаев, Крым, Мусульманский комитет, крымские татары.

In the memoirs of Crimean Tatar describes the everyday life of Soviet soldiers of different nationalities in the Nikolayev POW camp. The article first mentioned about the activities in the camp of the Muslim Board.

Keywords: World War II, camp for Soviet prisoners of war, Nikolayev, Crimea, Muslim committee, Crimean Tatars.